

евровосток

**АЛЕКСАНДР
БОЙКО**

ДИКТАТОР И ЕГО МОДЕЛЬ

**Молдова – власть
БЕЗ ЛЕГИТИМНОСТИ**

евровосток

Александр Бойко

**Диктатор и его модель. Молдова
– власть без легитимности**

«Европа»

Бойко А.

Диктатор и его модель. Молдова – власть без легитимности /
А. Бойко — «Европа»,

Это подлинные истории двух президентов, между которыми, казалось бы, не может быть ничего общего. Один из них, Владимир Воронин, несколько лет назад пришел к власти, в Республике Молдове и превратил государство в высокодоходную семейную олигархию. Другой – Франсуа Дювалье – давно закончил свое правление на Гаити. Первый некогда был правоверным коммунистом, второй – практикующим колдуном одной из сект культа вуду, «оживляющей» мертвецов. Автор на большом фактическом материале рассматривает сходство двух семейных режимов – их обращение с политическими оппонентами, специфическое отношение к экономике страны, к ее международно-правовой легитимности, к соблюдению европейских норм и обязательств. Но рентабельна ли последняя семейная диктатура в Европе XXI века?

Содержание

Вступление	5
I. Первые лица	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Бойко

Диктатор и его модель

Молдова – власть без легитимности

Вступление

Сегодняшняя Молдавия не особенно обременяет собой окружающий мир. Тревоги и трагедии приднестровского конфликта начала 90-х ушли в прошлое. Маленькое независимое государство живет своей тихой и спокойной жизнью. Республика перешла от президентской формы правления к парламентской – главой государства остался президент, но теперь его избирает парламент. Процветает многопартийность. Руководство страны заявляет о стремлении войти в Единую Европу. Крепнут отношения с молодыми демократиями – Грузией и Украиной. Парламентские выборы признаются соответствующими международным избирательным стандартам, обязательствам в рамках ОБСЕ и Совета Европы.

При этом Молдавия остается единственной европейской страной, где у власти находятся коммунисты, которых международное сообщество решило считать разумными и демократичными. Причина этого, очевидно, в том, что одной из основных европейских ценностей стала терпимость к чуждым для развитых демократий идеологиям.

Склонны ли сами граждане считать установленный в их стране режим приемлемым? Около двух третей населения «европейской» Молдовы вынуждены искать работу за границами своей Родины. Многие из них говорят, что у них «украли страну», а у их детей «украли будущее». «Демократический парламентский режим» президента-коммуниста Владимира Воронина в разговорах с близкими и друзьями они все чаще сравнивают не с белорусским и даже не с северокорейским, а с легендарным гаитянским.

Чем знаменит латиноамериканский образец, о котором говорят в Молдавии? Если бы не терпимое отношение американцев, правление гаитянского президента Дювалье – «вампира из Порт-о-Пренса» – не продлилось бы три десятилетия, а десятки тысяч гаитян не были бы зверски уничтожены. Впрочем, такая терпимость, как известно, всегда проявлялась только при одном условии: диктатор должен подчиняться указкам из Центра Силы. То есть быть не просто сукиным сыном, а «нашим сукиным сыном». Это определение было придумано американским президентом – по одним источникам, Д. Эйзенхауэром, по другим – Ф.Д. Рузвельтом. И дано оно было кровавому никарагуанскому диктатору Анастасио Сомоса Гарсиа. Бывший мелкий боевик, а затем начальник национальной гвардии, Сомоса-старший прославился тем, что предательски убил популярного в народе генерала Сандино, потопил в крови выступления оппозиционеров и под страхом тюрьмы обязал всех граждан страны добровольно сдать граммофонные пластинки с записями танго. За время правления семейства Сомоса двухмиллионное население Никарагуа уменьшилось на 10 процентов.

Крылатое выражение было употреблено американским лидером в заявлении о том, что ради достижения определенных внешнеполитических целей – на тот момент победы во всемирном противостоянии с СССР – можно не стесняясь опираться и на самого одиозного из диктаторов. Так была сформулирована неофициальная внешнеполитическая доктрина «опоры на своих сукиных детей» – пусть даже ценой жизней миллионов их жертв.

Впрочем, в истории с Сомосой имелось некоторое оправдание: этот проамериканский диктатор пришел к власти на фоне кровопролитной гражданской войны, в которой партизаны выступали под откровенно антиамериканскими лозунгами. Однако в случае с Гаити не было и этого. Под боком у «великой демократии» в течение трех десятилетий процветал режим не просто диктаторский – дикарский.

Нельзя сказать, что с тех пор ничего не изменилось. Холодная война закончилась. Запад из защищающейся стороны, вынужденной отбиваться от наступления коммунистических «сил зла», превратился в сторону наступающую, объявив себя бастионом свободы и провозвестником всемирной правозащитной революции. По всему миру стали терять власть недавние «свои сукины дети». Прекратилась поддержка военных хунт, и даже бывшие латиноамериканские диктаторы пошли на свободные демократические выборы.

Но на острове, который называется Гаити, где ныне расположены два государства – одноименная республика и Доминиканская, – все еще сосуществуют два разных мира. На одной стороне – в Доминикане – живет спокойный народ, и там все равны – и мулаты, и негры, и испаноговорящие белые, и европейцы. За границей, в демократической Республике Гаити, тоже вроде бы все уже в порядке. Почти двадцать лет там живут без Дювалье. Там уже два раза побеждала демократия, один раз – военная хунта и один раз – что-то вроде «оранжевой революции», свергшей того демократического лидера, который когда-то пришел на смену Дювалье. Однако спокойствия и даже относительного процветания так и не наступило. Видимо, причина в том, что быстро изжить последствия власти президента-шамана оказалось невозможно.

Впрочем, все это не значит, что применение принципов, действовавших во времена Дювалье, ушло в прошлое. Изменился лишь регион, в котором они используются. Сегодня это кроме прочих и территория бывшего Советского Союза. А значит, закономерно будут появляться похожие «свои сукины дети» – примитивные и безответственные режимы, но теперь уже в окружении старых и новых демократий объединяемой Европы.

Один из первых кандидатов на роль жертвы такой диктатуры – Республика Молдова. В ней уже сегодня утверждается у власти режим, обрекающий народ не только на бесправие и безденежье, но и на культурное и социальное вымирание.

Здесь весьма многочисленны те, кто вынужден опасаться за свое физическое выживание и открыто сопротивляться действиям самобытного президента Воронина. В первую очередь это, конечно, так называемые приднестровские сепаратисты, однако ими список не ограничивается. И этим, к сожалению, пугающее сходство «вороньего режима» с правлением Франсуа Дювалье не исчерпывается.

I. Первые лица

Сначала о биографиях главных действующих лиц – правителей, которым была вверена судьба благодетельствованных народов.

Франсуа Дювалье родился в 1907 г. После окончания медицинского факультета Гаитянского университета (1932) – помощник начальника медицинской службы американских оккупационных войск. Негр (до 1946 г. политическая элита в Гаити состояла в основном из мулатов). В 1934–1940 гг., когда морская пехота США была вынуждена покинуть Гаити, – сельский врач. С 1940 г. – сотрудник американской санитарной миссии. В 1944 г. отправлен в Мичиганский университет для повышения квалификации. Вернувшись на Гаити, получил пост помощника майора Двиннела из медицинской службы Морского флота США.

16 августа 1944 г. президентом Гаити впервые за 30 лет стал негр Дюмарсе Эстиме. В его правительстве Дювалье занял пост заместителя министра труда, а затем – министра здравоохранения. 10 мая 1950 г. президент Эстиме был свергнут военной хунтой во главе с полковником Маглуаром, который затем стал президентом страны. С 1954 г. ситуация в стране обострилась, президент Маглуар ответил репрессиями, и Дювалье перешел на нелегальное положение. Ему и его семье предоставляли деньги и кров соседи – три брата Жюмель (став президентом, Дювалье их отблагодарил в традиционной для него манере – они были расстреляны).

В августе 1956 г., по истечении срока правления Маглуара, Дювалье вышел из подполья и 7 сентября объявил о своих претензиях на место президента. За пост президента сражались три влиятельных претендента – сенатор Луи Дежуа, адвокат Клеман Жюмель (один из братьев), учитель математики Даниель Финьоле. Представители элиты и СМИ игнорировали Дювалье – по их мнению, «у этого противного лилипута никаких шансов на успех не было». Между тем, Дювалье провозгласил лозунг «Работа для всех!», обещая покончить с коррупцией, восстановить социальную справедливость и ускорить строительство школ. 25 мая 1957 г. Дювалье обратился к наиболее сильным кандидатам – Жюмелю и Финьоле – с призывом «спасти страну от ужасов гражданской войны», для чего без выборов передать власть Финьоле как «временному президенту». 26 мая Финьоле согласился принять власть и назначил, по предложению Дювалье, начальником генштаба генерала Кебро. Через 19 дней Кебро прямо на заседании правительства арестовал Финьоле и выслал его из страны. 22 сентября 1957 г. хунта во главе с Кебро провела выборы без регистрации избирателей. Победил Дювалье.

До этого момента вся карьера доктора Дювалье была, казалось бы, неразрывно связана с американским покровительством. Под американской «крышей» сельский врач делал карьеру, получал образование и связи. И «вдруг» из-под крыши вышел – выяснилось, что у бывшего помощника лейтенанта имеется своя воля.

Свежеиспеченный диктатор пришел к власти на волне антимулатской истерии. Негритянское большинство – самая бедная и малограмотная часть населения – воспринимало доктора Дювалье как защитника интересов «коренных» гаитян. Мулаты – в основном интеллигенция, инженеры, врачи, учителя – были вынуждены бежать из страны, превратились в людей второго сорта. Многие из них оказались в соседней Доминиканской республике, где правила полицейская диктатура, но все же не беспредельная тирания. С этого момента «доминиканские сепаратисты» превратились в жупел для режима Дювалье.

Одной из главных объективных причин прихода к власти Дювалье стал кризис действующей политической элиты, ее неспособность к эффективной самоорганизации. Получив диктаторские полномочия, Дювалье эту элиту добил окончательно. Началось – сначала тайно – массовое уничтожение политических оппонентов. Были закрыты все оппозицион-

ные СМИ, распущены профсоюзы и студенческие организации, высланы из страны священники, не пожелавшие прославлять режим Дювалье. Очень скоро окончательно укрепился режим личной власти, действующий в отсутствие не только оппозиции, но и политического класса в целом, и опирающийся исключительно на насилие, страх и запугивание.

Владимир Николаевич Воронин родился 25 мая 1941 г. в селе Коржова Дубоссарского района Молдавской ССР в крестьянской семье. Как утверждает в некоторых источниках, его отец – русский, военнослужащий Красной армии, погибший в начале войны. Его мать – молдавская крестьянка.

Воспитывал Воронина отчим – молдавский коммунист, уполномоченный райкома по коллективизации.

Воронин – типичный выходец из советского молдавского села, его родной язык – молдавский, но до недавнего времени говорил он на нем плохо, гораздо хуже, чем на русском, – как и большинство молдавоязычных крестьян, пользующихся своего рода «бедняцким диалектом».

Считается, что Владимир Воронин имеет высшее образование. По-настоящему он учился только в Кишиневском кооперативном техникуме, который окончил в 1961 г. В 1971 г., уже перейдя на партийную работу, он окончил Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности, а в 1983 г., перед переходом на работу в ЦК КП Молдавии, – Академию общественных наук при ЦК КПСС. Есть у Воронина и еще один диплом – Академии МВД СССР, который ему достался в 1991 г. по завершении (как тогда казалось) милицмейской карьеры.

С 1961 по 1966 г. будущий президент работал заведующим хлебопекарней в с. Криулень, затем пошел на повышение и до 1971 г. возглавлял – в качестве директора – хлебозавод в Дубоссарах. Видимо, именно к этому моменту относятся слова самого Воронина: «Когда сформировался как личность, меня стала двигать советская система подбора, воспитания и расстановки кадров» («Наш современник», №7, 2001).

Сначала «советская система» послала бывшего директора хлебозавода в райком, потом – на должность председателя горисполкома в Дубоссарах и Унгенах, а в 1981 г. с должности председателя Унгенского райисполкома отправила на обучение в АОН при ЦК КПСС, чтобы после доверить работу в орготделе ЦК КПМ. В 1983—1985 гг. тов. Воронин – сначала инспектор, а затем зам. зав. орготделом республиканского ЦК.

1985 г. («перестройку») бывший директор хлебозавода встретил в должности заведующего отделом Совмина Молдавской ССР, и с этого высокого поста был послан в Бендеры в качестве первого секретаря горкома партии. Столь высокая номенклатурная должность подразумевала возможность свободно перемещаться во власти – сначала Воронин автоматически стал депутатом республиканского Верховного Совета, а затем – в 1989 г. – был назначен министром внутренних дел МССР, получив воинское звание генерал-майора.

В этот самый момент «советская система», уверенно выдвинувшая выпускника кооперативного техникума и директора хлебозавода в министры внутренних дел, начала давать сбои. Перестройка незаметно перешла в распад Союза.

Новоявленный «политический деятель» Воронин 31 августа 1989 г. голосовал в Верховном Совете за «Закон о функционировании языков» – по существу подрывной, закладывающий мину под национальное согласие в многонациональной республике и дискриминирующий русский язык и русскоязычных граждан, составлявших основу экономической и интеллектуальной мощи Молдавии. А немного позже он же уже предлагал на 20 лет приостановить действие этого закона на Левобережье.

Когда в 1990 г. толпа обезумевших народнофронтовцев пошла на штурм здания МВД, чтобы «проверить» уровень знания милиционерами «государственного языка», министр

Воронин запретил своим подчиненным применять силу. Вдохновленные демократичностью министра, поборники румынской идентичности независимого молдавского народа провели в захваченном здании свой экзамен на знание языка – сотрудников МВД, плохо владевших молдавским, избивали и выбрасывали из окон.

На этом развитие политика Воронина не остановилось. Руководить республикой (которую теперь было велено именовать «ССР Молдова») стали председатель Верховного Совета Мирча Снегур и руководитель правительства Мирча Друк (лидер «Народного фронта»), а точнее – нерушимый блок национал-коммунистов и националистов. В это правительство партаппаратчика Воронина не взяли, и он обратился за помощью к любимой «системе подбора и расстановки», которая к тому времени еще продолжала действовать. Новоявленный руководитель республиканской милиции поехал в имперскую Москву, в Академию МВД, и с мая 1990 по сентябрь 1993 (!) г. числился в резерве кадров МВД РСФСР (России).

В его отсутствие ситуация в Молдавии изменялась быстро и бурно.

На волне народнофронтовской активности 1990 г. суверен-номенклатурная элита ССР Молдовы перевела молдавский язык на латиницу и переименовала его в румынский, заменила флаг МССР на румынский триколор, а главное, подтолкнула русскоязычные районы Приднестровья и регионы проживания гагаузов к мощным сепаратистским выступлениям, закончившимся образованием непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

Кабинет национал-радикала Мирчи Друка пал в феврале 1991 г. и сменился сначала национал-коммунистическим правительством Валерия Муравского (1991—1992), а потом – левоцентристским кабинетом во главе с Андреем Сангели (1992—1997). Фактически власть в стране перешла в руки «агропромышленного директората» во главе с президентом Мирчей Снегуром (1991—1996), премьер-министром Андреем Сангели и влиятельным спикером парламента, членом последнего состава Политбюро ЦК КПСС Петром Лучинским (1993—1996).

Все эти годы небольшую и небогатую Молдавию терзали проблемы, которые приходилось решать и народу, и власти. Неурегулированный конфликт с Приднестровьем был только одной из них. Второй стало нарастание серьезнейших противоречий между частью политической элиты и национальной интеллигенции, избравшей «румынский вектор» в качестве единственного внешнеполитического вектора страны, с одной стороны, и устойчивой экономической и социально-психологической ориентацией подавляющего большинства населения на сохранение и укрепление связей с Россией – с другой.

Это противоречие, нараставшее в информационно-политическом поле страны, оставалось под практически полным контролем прорумынского лобби, и именно с ним в своих публичных заявлениях, решениях и действиях должны были считаться умеренные и вполне советские по своему менталитету лидеры молдавского истеблишмента. С другой стороны, подавляющее большинство пассивного, по преимуществу сельского, электората оставалось глубоко чуждым «румынским веяниям» и впадало во все более острую ностальгию по простым и понятным советским временам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.